

Люмиан какое-то время смотрел в глаза Авроре, а потом медленно спросил:

— Сколько дней до Великого Поста?

Он подозревал, что сестра решила его разыграть, но никогда не знал, чтобы она шутила над серьезными вещами. Это был критический момент, который повлияет на всю деревню, и, возможно, даже на их выживание.

Аврора оглядела его и съязвила:

— Ты что, днем не спал? До сих пор не проснулся? Сегодня 29 марта 1358 года. До Великого Поста еще несколько дней.

«29 марта...» — Люмиан задумался, ему вдруг показалось, что он спит.

Ведь он так ясно пережил Великий Пост — веселье, закончившееся кровавой баней. Он видел, как пастух Пьер Берри отрубил Аве голову топором, как кровь брызнула во все стороны...

То ли он сейчас спит, то ли его прошлые переживания были сном. В любом случае, и то, и другое казалось слишком реальным. Люмиан не видел на лице сестры никаких признаков обмана.

Конечно, Аврора могла бы быть отличной актрисой, но Люмиан верил, что она не из таких.

Они провели вместе пять лет, он знал каждую черточку ее характера. Она никак не смогла бы его обмануть!

Люмиан, размышляя о возможности того, что сестра Аврора лжет ему о дате, был в замешательстве.

Либо ею управляет падре или какое-то тайное существо, либо все уже разрешилось, и она просто его разыгрывает.

Если ни один из этих вариантов неверен, то, скорее всего, Аврора говорит правду.

Время повернулось вспять и вернулось к 29 марта, за несколько дней до Великого Поста.

С учетом его понимания мира, это было явно невозможно и не должно было произойти. Однако отношение сестры ставило его в тупик.

«Нужно придумать, как это подтвердить...» — Люмиан попытался вспомнить все, что

происходило в этот период времени, и понял, что может легко вспомнить большинство деталей — в тот день, 29 марта, Аврора была одета в светло-голубое платье, которое соответствовало «успешному» празднованию Великого Поста. Он также вспомнил, что в тот вечер встретил Лию, Райана и Валентина, а потом отвел их к собору, чтобы поймать падре с поличным.

— Что случилось? — Аврора протянула правую руку и помахала ею перед ошеломленным братом.

Люмиан быстро собрался с мыслями и сказал:

— Аврора, я кое-что вспомнил. Мне нужно ненадолго выйти. Я скоро вернусь!

Люмиан понял, что единственный способ подтвердить, действительно ли время вернулось к 29 марта, — это найти Аву.

Если она все еще жива, то ему придется смириться с этим невероятным изменением.

Не дожидаясь ответа Авроры, он бросился к двери, обойдя ее.

— Зови меня старшая сестра! И не опаздывай к ужину! — крикнула ему вслед Аврора.

Бежа к дому Авы Лизье, Люмиан боялся, что, если он хоть на секунду замедлится, то попадет в неопиcуемый кошмар и будет полностью поглощен им.

По дороге его заметили многие жители деревни, но они, боясь, что это очередной розыгрыш с его стороны, не стали останавливать и расспрашивать.

Наконец, Люмиан добрался до места назначения.

Гийом Лизье, отец Авы, был известным сапожником в деревне Корду и в окрестных горах. Хоть они и не были особо богаты, жили они неплохо. Они жили в серовато-голубой двухэтажной землянке. За домом находилось пустое пространство, где были сложены трава и дрова, а также отремонтированный гусятник.

Люмиан пришел почти к ужину, на кухне в доме Лизье суетились несколько фигур.

Люмиан прошел через открытую дверь и сразу увидел Аву.

Эта кареглазая девушка с аквамапиновыми глазами была одета в серовато-белое платье и помогала матери готовить ужин. Ее руки и ноги были проворными, а глаза живыми. Люмиан, просто взглянув на нее, понял, что она жива.

«Она действительно не умерла...» — глядя на шею Авы, Люмиан пытался найти следы швов.

В одном из романов ужасов Авроры была сцена, где труп был зашит, чтобы он мог изображать живого человека.

Но шея Авы была длинной и гладкой, без единого шрама.

Гийом Лизье, сапожник, заметив Люмиана, стоявшего в дверях, спросил:

— Люмиан, ты что-то хотел?

Он встал со стула, стоящего на кухне, и повернулся к Люмиану, его каштановые волосы были растрепаны, на нем был слегка засаленный коричневатый-белый фартук.

Ава, которая хлопотала на кухне, удивленно обернулась и посмотрела на Люмиана.

Она увидела, что Люмиан стоит в оцепенении.

— Что-то случилось? — спросила она.

Люмиан на мгновение потерял дар речи, но быстро взял себя в руки и уже собирался придумать какую-нибудь причину, чтобы объяснить свой визит.

Однако Гийом Лизье вдохновил его своим вопросом.

Люмиан, немного подумав, спросил:

— Месье, Пьер из Берри не заказывал у вас кожаные ботинки?

Он вспомнил, что на следующее утро они с Реймондом должны были встретиться с пастухом Пьером Берри, и были удивлены, что он, бросив свое стадо, поспешил вернуться, чтобы принять участие в праздновании Великого Поста, несмотря на опасности долгого и трудного пути.

К тому времени на ногах у Пьера Берри уже были новые мягкие кожаные ботинки.

Если только он не ходил в магазин обуви в Даридже, где продавали готовую продукцию, то на изготовление пары кожаных ботинок потребовалось бы время. Это означало, что Пьер Берри вернулся в деревню как минимум два-три дня назад!

Гийом Лизье был удивлен вопросом Люмиана и сказал:

— Пьер Берри вернулся несколько дней назад, но об этом знают не многие в деревне. Он также велел мне никому об этом не говорить.

«Как и ожидалось...» — Люмиан придумал объяснение и сказал:

— Я увидел человека, очень похожего на него, и подумал, что у меня галлюцинации. А поскольку на том человеке были новые кожаные ботинки, я пришел к вам, чтобы подтвердить свои догадки.

— Это он, — утвердительно ответил Гийом Лизье. — С ним было еще три или четыре овцы, которые, как он утверждал, дал ему его хозяин.

«Разве овец не отпускают в деревню только в начале мая, чтобы стричь их и доить? А чем их кормить, если сейчас привести несколько овец? Выпас на высокогорных пастбищах пока запрещен...» — чем больше Люмиан думал об этом, тем больше ему казалось, что поведение пастуха Пьера Берри крайне ненормально.

А то, как он вел себя в конце празднования, подтвердило догадки Люмиана.

Однако он понятия не имел, что он, падре и остальные задумали и что они уже сделали.

Люмиан улыбнулся Гийому Лизье и Аве и сказал:

— Я успокоился, раз это действительно он. А то я уж подумал, что у меня проблемы с головой и глазами от того, что я слишком много пью.

Затем он помахал рукой Лизье и сказал:

— До встречи.

Как только Люмиан вышел из дома Лизье, улыбка на его лице быстро исчезла.

Теперь он был совершенно уверен, что сегодня действительно 29 марта.

«Я вернулся во времени или мне приснился вещий сон? Сны не могут быть настолько реальными. Они настолько реальны, что в них есть все детали...» — размышлял Люмиан на ходу.

В любом случае, он читал о подобном только в романах Авроры и никогда не думал, что это

может произойти в реальности.

Возвращаясь домой, Люмиан обошел площадь и подошел к собору Вечно Пылающего Солнца.

Витраж, который должен был быть полностью разбит, был аккуратно вставлен в стену, а изображение миссионера, святого Сита, на его поверхности ярко светилось в лучах заходящего солнца.

Люмиан со смешанными чувствами смотрел на эту картину. От трения мыслей друг о друга в его голове вот-вот должен был пойти дым.

Возвращаясь на площадь, Люмиан увидел знакомую фигуру, которая вышла из главного входа в собор.

Это был падре Гийом Бене со слегка крючковатым носом и излучающий чувство собственного достоинства, на нем была белая ряса с золотыми нитями.

Сердце Люмиана сжалось, он слегка выгнул спину, готовясь к нападению или к бегству.

Гийом Бене взглянул на него и бесстрастно кивнул.

— Завтра приходи на молитву.

— Э-э...

«Точно. Ведь 29 марта ранним вечером я еще не поймал его с поличным. Мы еще не поссорились, и он не боится, что его тайный заговор вот-вот раскроется...» — с этой мыслью Люмиан инстинктивно отреагировал.

Он выпрямился и раскинул руки в стороны.

— Хвала Солнцу!

— Хвала Солнцу! — ответил Гийом Бене, приняв ту же позу.

Выйдя с деревенской площади, Люмиан по привычке прокрутил в голове только что произошедшее.

И вдруг он обнаружил момент, который упустил из виду, поскольку был шокирован «обращением времени вспять».

У него остались сверхспособности!

Он все еще был Охотником!

Ему не нужно было переводить дыхание после того, как он добежал до дома Лизье, и он сразу принял идеальную позу, столкнувшись с падре. Это означало, что его физические данные и общее состояние намного превосходили то время, когда он еще не выпил зелье.

Исходя из этого, Люмиан пришел к выводу, что прошлые события были не вещим сном, и он уже был Потусторонним Последовательности 9!

«Ночью попробую войти в тот особенный сон, чтобы узнать, получится ли у меня это сделать и есть ли какие-то изменения...» — Люмиан быстро придумал следующий шаг своего плана.

Вернувшись домой, Люмиан сделал вид, что ничего не произошло, и поужинал вместе с сестрой Авророй.

Поскольку он часто так себя вел, не желая, чтобы она каждый раз, когда он попадал в неприятности, разгребала последствия, Аврора, хотя и почувствовала, что что-то не так, не стала его расспрашивать.

Вымыв посуду и убрав на кухне, Люмиан предупредил сестру и отправился напрямиком в Старую Таверну.

Он хотел убедиться, появятся ли иностранцы, не являющиеся жителями Корду.

Войдя в Старую Таверну, Люмиан сел за барную стойку и поздоровался с хозяином и барменом, Морисом Бене, и худощавым мужчиной средних лет, Пьером Гийомом.

— Стакан «Виски Сауэр», — сказал он, как будто был здесь своим человеком.

«Виски Сауэр» — это был низкокачественный алкоголь, приготовленный из яблок. В тавернах он был дороже только некоторых сортов пива. В городе его часто продавали уличные торговцы.

Морис Бене ворчливо проговорил:

— Скупердй, тебе что, не нравится как обжигает абсент?

Люмиан произнес привычные слова:

— А за счет заведения можно?

От этого его разум немного поплыл.

Морис Бене тут же замолчал и налил Люмиану стакан «Виски Сауэр».

Люмиан, потягивая напиток, ждал.

Вскоре он услышал звон.

Он обернулся и увидел Райана в грубой темной шляпе-котелке, невзрачном пальто из грубой ткани и бледно-желтых брюках.

Лия привлекла к себе внимание почти всех мужчин в Старой Таверне своим белым плиссированным кашемировым платьем, кремовым пальто, марсельскими ботинками и маленькими серебряными колокольчиками, привязанными к ботинкам и вуали.

Валентин, как обычно, был одет в белый жилет, синий твидовый пиджак и черные брюки, его светлые волосы были слегка присыпаны пудрой.

Под взглядами всех присутствующих они подошли к барной стойке и сели рядом с Люмианом.

Не поднимая головы, Люмиан подумал:

«Стакан дарьежского красного вина, стакан ржаного пива и стакан „Пряного Сердца“...»

Райан снял шляпу-котелок и положил ее рядом. Затем он сказал Морису Бене:

— Стакан дарьежского красного вина, стакан ржаного пива и стакан «Пряного Сердца».

Люмиан глубоко вздохнул, и Райан спросил:

— Что случилось?

Люмиан сделал глоток «Виски сауэр» и мрачно сказал:

— Я — никто, у меня нет времени замечать яркость солнца ...